

Третий молодой господин Гу лежал на лежанке рядом, укутавшись в толстое одеяло, и читал книгу для развлечения. Увлечшись чтением, он позволил служанке в красном платье массировать ему ноги. Лэ Юй спросил:

— Почему ты еще не спишь? Неужели ночь так длинна, что Фако думает обо мне и не может уснуть?

Гу Сань спокойно ответил:

— Именно так, я «бодрствую всю ночь, думая о тебе».

Это было стихотворение вдовы, и Гу Сань считал его мертвым. Лэ Юй сказал:

— Когда я когда-либо подводил тебя в том, что обещал?

Достал из кармана складной веер и бросил его Гу Саню, добавив:

— Наоборот, это ты, Третий молодой господин Гу. Я потратил немалые деньги на чертежи из твоего Павильона Весеннего Дождя, а они оказались бесполезными. Возьми и хорошенько переделай!

Гу Сань взял веер, увидел, что его поверхность порвана, нахмурился, но сказал:

— Сам островной владыка Лэ, твое мечное искусство слишком грубое, ты не умеешь его контролировать, а теперь винишь мои чертежи.

Лэ Юй спросил:

— Как ты говоришь? По делу я твой заказчик, по дружбе — твой ближайший друг.

Служанка подала горячее полотенце, чтобы Лэ Юй мог вытереть лицо и руки, а затем принесла ночной перекус. Гу Сань спросил:

— Князь Цзинчэн, как он? Можно ли считать его красавцем первого разряда в мире?

Лэ Юй поднял чашу и сказал:

— Фако, Фако, ты что, сватаешь или сводничаешь?

Гу Сань лишь улыбнулся и промолчал. Оба они понимали: раз Гу Сань поддерживал князя Цзинчэн в борьбе за трон Южной Чу, он намеренно старался заручиться поддержкой острова Пэнлай. Остров Пэнлай никогда не вмешивался в дела дворов различных государств, но, независимо от результата, Гу Сань должен был попробовать. Лэ Юй понимал это, но не стал указывать на это явно, а Гу Сань, соблазняя его «красавцем», лишь предавался любовным утехам.

Лэ Юй сказал:

— Скажу так: красавец он красавец, но слишком осторожен.

Гу Сань кивнул — он несколько раз пытался завоевать доверие князя Цзинчэн, но безуспешно.

Лэ Юй продолжил:

— Он очень опасается сил мира рек и озер. Ты ставишь на него, но будь осторожен, чтобы не остаться в убытке.

В конце концов, это не касалось острова Пэнлай, и Лэ Юй, сказав это, больше не стал развивать тему. Он наслаждался закусками: цветами янгхуа, сушеным бамбуком и лепешками суои, выпив две чашки каши, приготовленной из утиного бульона. Гу Сань, который сидел рядом и потягивал миндальный крем с сахаром, не выдержал усталости и заснул первым.

На следующее утро солнечный свет проник сквозь шелковые занавеси. Гу Сань встал поздно, когда время завтрака уже прошло, и все еще лежал на кровати. Лэ Юй, не стесняясь, вошел в его спальню и увидел, как тот прищуривается, внимательно рассматривая несколько комплектов одежды, которые держала Тэнъи, — не его собственной, а женской, различных оттенков фиолетового. Он коснулся вышивки на рукаве одного из платьев и с улыбкой сказал:

— Сегодня будет дождь, так что надень это платье более светлого цвета, с той цепочкой из кристаллов, хорошо?

Поднял голову, глядя на Тэнъи.

Его волосы были распущены, ночная рубашка белоснежная, очень мягкая, милая и приятная. Лэ Юй смотрел на него некоторое время, затем с изысканной грацией наклонился, взял прядь его черных волос и произнес:

— «Всю ночь не причесывался, волосы рассыпались по плечам».

Голос его был полон нежности и восхищения, любовного уюта, от чего сердце смягчалось. Служанки внутри и снаружи спальни, все грамотные, после небольшого замешательства начали прикрывать губы руками. Гу Сань тоже был удивлен, но затем хозяин Павильона Весеннего Дождя, сам Третий молодой господин Гу, схваченный за волосы Лэ Юем, сдавленным голосом изобразил смущение и ответил:

— «Нежно протянувшись к коленям возлюбленного, как не вызвать сострадания?»

Служанки отвернулись, чтобы скрыть смех, хихикая, а Лэ Юй великодушно отпустил его.

Тэнъи ушла, не обернувшись. Лэ Юй, весь в сырости, сел рядом с Гу Санем и сказал:

— Сначала сам предложил разделить ложе, а теперь поднял брови в знак согласия. Ты не боишься, что она действительно начнет со мной драться? Два младших гроссмейстера будут сражаться за тебя, Третьего молодого господина Гу, из-за ревности.

Гу Сань улыбнулся и сказал:

— Я спрашивал Тэнъи. Она только что достигла уровня младшего гроссмейстера, и ей далеко до тебя. Кроме того, Тэнъи всегда помнит, что ты спас мне жизнь.

Тэнъи была тенью Гу Саня, и он сам не знал об этом, пока она однажды не спасла его, рискуя

жизнью. С тех пор он больше не требовал, чтобы она скрывалась. Но Тэнъи тренировали до пятнадцати лет, и она не умела общаться с людьми, не понимала эмоций, была холодной и отстраненной. Гу Сань потратил более десяти лет, чтобы она перестала избегать его, но не смел переступить черту.

Лэ Юй сказал:

— Все эти годы ты так и не сказал ей прямо.

Гу Сань, с радостью и печалью, ответил:

— Я просто боялся напугать ее...

Затем он повернулся к Лэ Юю и спросил:

— Куда ты ходил этим утром, островной владыка Лэ?

Лэ Юй с изяществом поднял рукав.

— Смотреть на красавца.

В руке он держал завернутый в шелковый платок пирог с нефритовым поясом, цвет которого был как снег, сахар и масло полужастывшие, сверкающие и приятные на вид. Вряд ли его пригласил князь Цзинчэн, и Гу Сань с изумлением произнес:

— Ты...

Лэ Юй лениво сказал:

— Ты не знаешь, но этот князь Цзинчэн, Сяо Шанли, за один завтрак использует четыре пары палочек, три чаши, шесть тарелок и три разных чая. К счастью, он родился в императорской семье Южной Чу, а не принцем — кто бы его содержал?

Однако его манеры были безупречны, и поведение князя Цзинчэн больше походило на показное. Лэ Юй добавил:

— Позже я почувствовал, что он заметил меня на балке.

Человек, который прошлой ночью на реке одним мечом отбросил принцессу Яогуан, как мог быть обнаружен маленьким князем Цзинчэн, ничего не понимающим в мире рек и озер? Гу Сань фыркнул и серьезно сказал:

— Должно быть, это потому, что ты вчера слишком много съел, и это повлияло на твою технику.

Лэ Юй не собирался спорить с ним, указал на него — что означало: это не разорит меня, это не разорит тебя.

Чуть позже Гу Сань оделся и встал. Служанки сменили постельное белье и наполнили комнату

ароматом благовоний. Лэ Юй и Гу Сань посидели вместе некоторое время. Князь Цзинчэн завтра отправлялся обратно в Цзиньцин, его сопровождали официальные лица, и Лэ Юй также будет наблюдать. На прощание они вместе позавтракали. Веер был сломан, и Гу Саню нужно было улучшить новые чертежи. Лэ Юй сидел с пустыми руками, лишь наблюдая за каплями весеннего дождя за окном, сквозь несколько слоев хрустальных занавесей, глядя на мир за пределами здания.

Гу Сань двигал кистью и вдруг сказал:

— Прошлой ночью на реке ты действительно создал проблему для своего друга детства с острова Пэнлай.

Остров Пэнлай записывает события мира рек и озер, но не свои собственные. «Лин Юань» стал знаменитым после одного боя, и Гу Синьчи оказался в затруднительном положении — записывать это или нет. Третий молодой господин Гу из Павильона Весеннего Дождя и господин Гу с острова Пэнлай давно знали друг друга, и сейчас он наслаждался удовольствием наблюдать со стороны.

Отложив кисть, Гу Сань спросил:

— Кстати, ты что, знал, что придет принцесса Яогуан, и поэтому запросил у меня такую цену?

Лэ Юй вдруг сел прямо и сказал:

— Нет. Я изначально подготовил другие слова, чтобы убедить тебя.

Гу Сань удивился:

— О?

Лэ Юй сказал:

— Если бы у меня был сын, я бы обязательно женил его на твоей дочери.

Его откровенность заставила Гу Саня рассмеяться, и он подумал: Лэ Юй, конечно, рассчитывал, что у него и Тэнъи все получится. Гу Сань любил дочерей, и его дочь, независимо от того, была ли она похожа на отца или мать, не могла быть плохой, так почему бы не закрепить устное соглашение о невестке? Гу Сань также считал, что дети клана Лэ с острова Пэнлай были выдающимися, так зачем позволять им уходить к чужим? В конце концов, он мог бы родить несколько дочерей, и одна из них обязательно понравилась бы сыну Лэ Юя?

Они даже не имели намека на жен, но уже рассуждали о браках своих детей. Гу Сань вздохнул:

— Я все же чувствую, что проиграл. Если только...

Он медленно и хитро сказал:

— За эти годы в моем Павильоне Весеннего Дождя накопилось несколько вопросов, на которые могут ответить только непосредственные участники, и они чуть не испортили репутацию моего павильона.

Лэ Юй сказал:

— Выбери три, я отвечу тебе.

— Первый, — сказал Гу Сань. — Имена мужчин из твоего клана Лэ всегда связаны с водой, кроме тебя. Ходят слухи, что твое имя изначально было «Юй», правда ли это?

Лэ Юй с недовольством сказал:

— Кто-то задает такие вопросы? Мир рек и озер становится все хуже.

Гу Сань сказал:

— Дела твоего острова Пэнлай интересуют многих. Не будем отвлекаться — правда или нет?

Лэ Юй скупно ответил:

— Правда.

Иероглиф «Юй» изначально означал «неизменный». Глубокий и неизменный до самой смерти. После того как Лэ Сяньюй развелась с мужем, она изменила его имя на «Юй», что вызывало немало сожалений. Если в мире есть несколько неразгаданных тайн, то одна из них — кто на самом деле был отцом нынешнего владыки острова Пэнлай.

Гу Сань вздохнул:

— Следующие два вопроса ты можешь не отвечать. Я считаю брачное соглашение действительным. Второй вопрос: ты действительно не знаешь, кто твой отец?

Лэ Юй ответил:

— Ни малейшего понятия.

Он даже не знал, из какой из четырех стран он был.

— Спасибо, что ответил мне, — Гу Сань мягко сказал. — Третий вопрос...

Он нахмурился:

— Кто-то спросил: если «Сутра Истинного Удовольствия» вашего клана Лэ направлена на «освобождение», то как можно сойти с пути и впасть в одержимость? Я назначил за этот вопрос цену в десять тысяч лян золота, и вряд ли кто-то предложит больше. Ты... будь осторожен.

<http://bllate.org/book/15272/1348054>